

The background of the book cover is a vibrant, abstract composition. It features a series of stylized, overlapping human figures in various colors (blue, purple, orange, red) that appear to be melting or flowing into each other. The overall effect is one of intense emotional energy and psychological depth.

18+

НАТАЛЬЯ ОБУХОВА

Б Л Е Ф

ГЛУБОКИЙ ПСИХОЛОГИЗМ

Наталья Обухова

Б л е ф. Глубокий психологизм

<https://litres.ru/73516243>

ISBN 9785006932258

Аннотация

Исследование духовной пустоты современного «успешного» общества через призму азартных игр, где ставками являются не деньги, а человеческие души, чувства и самооценка. Каждый персонаж делает свою «ставку» на ложного туза (деньги, власть, красоту, секс), которая неизбежно оборачивается трагической «пиковой дамой» — разочарованием, крахом, одиночеством, болезнью. Глубокий психологизм, философские диалоги и монологи, социальная острота с проблесками возможного, но отвергнутого спасения.

Содержание

БЛЕФ	6
Аннотация	6
ЧАСТЬ 1	8
Вечер раздачи карт	8
Монолог Артёма о «биомассе» и «людях-функциях»	16
Хорошая девочка Катя	24
Последняя ставка перед свободой	28
Свидетельство о разводе	33
Предыстория Алисы	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Б л е ф

Глубокий психологизм

Наталья Обухова

Дизайнер Наталья Обухова

© Наталья Обухова, 2026

ISBN 978-5-0069-3225-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Упоминаемые в книге социальные сети Instagram
запрещены на территории Российской Федерации**

на

**основании осуществления экстремистской дея-
тельности.**

**Все персонажи в книге вымышленные и даже, если
вы**

заметите сходство с собой, это чистая случайность.

Сюжет книги не больше, чем фантазия автора.

**КНИГА ЗАЩИЩЕНА АВТОРСКИМ
ПРАВОМ.**

**ЛЮБОЕ КОПИРОВАНИЕ И
РАСПРОСТРАНЕНИЕ**

БУДЕТ ПРЕСЛЕДОВАТЬСЯ ПО ЗАКОНУ.

БЛЕФ

Аннотация

Москва наших дней. Город — огромное казино, где ставками служат не фишки, а человеческие души.

Их миры сходятся за зелёным сукном покерного стола и в блестящих, пустых интерьерах загородных домов. Каждый делает свою главную ставку: на деньги, на красоту как капитал, на любовь, на разрушение. Но в игре, где нет правил, а есть только иллюзия выбора, козырем может оказаться Пиковая дама — символ холодного одиночества и беспощадного краха.

От развратных вечеринок до тихих психосоматических приступов, от виртуозного блефа до разбитых надежд — роман проводит читателя по кругам современного ада, выстроенного из стекла, денег и экзистенциальной скуки. Это беспощадное исследование нарциссизма как религии, любви как болезни и веры в себя как самой страшной ловушки.

«БЛЕФ» — это не история о любви. Это история о том, что происходит, когда любви не остаётся места. И о цене, ко-

торую платят те, кто поставил на кон всё, забыв, что в самой опасной игре проигрыш — единственный возможный выигрыш, если ты наконец видишь карты на руках.

ЧАСТЬ 1

Вечер раздачи карт

Дом Максима стоял на отшибе, за высоким забором, похожий на белую кость, выброшенную на берег ночного леса. Не дом, а демонстрация. Показная геометрия стекла и бетона, холодная подсветка, бассейн, парящий над обрывом. Артём подъезжал на своей черной машине, ощущая знакомое смещение презрения и зависти. «Макс строит памятник своей тоске», — подумал он, гася фары. В кармане пальто лежал сложенный конверт с пятью тысячами евро — привычный взнос для игры. И телефон, на который за час пришло три сообщения от жены. Она писала о разводе. Не кричала, не упрекала — просто информировала, как о смене юридического адреса. Он не ответил. Сейчас это было неважно.

Внутри пахло дорогим парфюмом, дымом сигар и тревогой. Человек десять-двенадцать. Знакомые полулица с финансовых тусовок, пара модельного вида девушек, один усталый музыкант. Игра уже шла в гостиную за массивным столом из черного дуба. Максим, хозяин, с бокалом виски в руке, не играл. Он был крупнее от бога — наблюдал, подливал, подбрасывал дров в огонь чужих амбиций.

— Артём! Ставка растёт, — крикнул Максим, не двигаясь с места. Глаза его блестели, как у хищника, которому скучно.

Артём кивнул, снял пальто. Его взгляд скользнул по залу, автоматически оценивая и сортируя: партнёры, конкуренты, пустое пространство. И вдруг — остановился.

У высокого окна, за которым тонул во тьме лес, стояла она. Алиса. Платье — простой чёрный футляр, но сшитый так, что он был гимном каждой линии её тела. Она держала бокал с водой, не пила, а смотрела в темноту, словно ждала оттуда сигнала. Но не жадного, не нетерпеливого. Сосредоточенного. Как шахматист перед дебютом. Эта отстранённость, эта внутренняя тишина в центре шумной оргии выделила её из общего фона декоративной биомассы. Артём почувствовал редкий укол интереса — не просто желания, а любопытства.

Он подошёл к бару, налил себе виски. Рядом стоял огромный холодильник. На его верхней полке, среди бутылок шампанского, лежал... букет. Нежный, неожиданный в этой брутальной обстановке: белые пионы и тёмно-бордовые, почти чёрные пионовидные розы. Кто-то, видимо, привёз подруге и забыл. Или не успел вручить. Артём взял букет, ощутив прохладу лепестков. Без единой мысли, на чистой, холодной интуиции.

Он подошёл к ней сзади. Она увидела его отражение в стекле, но не обернулась.

— Вы ждёте, что лес ответит? — спросил он тихо.

— Я жду, когда эта игра закончится, — голос у неё был низкий, ровный, без привычной девичьей слащавости.

— А она только начинается.

Алиса наконец повернулась. Глаза — серо-зелёные, оценивающие. Она увидела букет в его руках. Удивление мелькнуло и было мгновенно погашено.

— Это мне?

— А кому же ещё? Они здесь единственное, что не пытается казаться чем-то другим. Как и вы.

Лёгкая, едва заметная улыбка тронула её губы. Не радостная, а признательная. Как будто он произнёс пароль.

— Пионы. Их век короток. Завтра осыпятся.

— Значит, нужно успеть насладиться сегодня. Артём.

Она взяла букет, пальцы на мгновение коснулись его. Холодные.

— Алиса. Вы играете?

— Всю жизнь. Но в покер — нет. Я предпочитаю игры, где правила не меняются каждые пять минут.

— Например?

— Шахматы. Или брак. — Она бросила этот камень в воду так легко, что Артём на секунду сбился.

— Опасные аналогии. И в том, и в другом можно получить

мат.

— Или выиграть всё, — парировала она. — А вы, Артём, играете на что-то кроме денег?

Вопрос был выстрелом в упор. Он посмотрел на неё с новым интересом.

— На всё. На деньги, на нервы, на слабости. На то, что человек считает своей силой. Это и есть самая высокая ставка.

— Рискованно. Можно поставить на туза, а вскрыть — пиковую даму.

Эта фраза повисла между ними, как пророчество. Артём засмеялся, коротко и сухо.

— Тогда давайте договоримся: если вдруг окажется, что мы играем друг против друга, вскрывать карты будем честно.

— Договорились.

В этот момент из гостиной донёсся взрыв смеха и ругань. Кто-то проиграл крупно.

— Кажется, одна игра уже закончилась, — сказала Алиса, кладя букет на подоконник. — Пойдёмте посмотреть на чужое поражение? Это, говорят, полезно для самооценки.

— После вас.

Они вошли в гостиную. За столом царило напряжение. Краснолицый мужчина, которого все звали Сергеем, нервно постукивал стопкой фишек. Его жена, молодая девушка с уставшим взглядом, сидела позади и смотрела в пустоту.

Артём знал, что Сергей на грани разрыва с её родителями, которые вложились в его бизнес. Ставки здесь были выше денег.

Максим поймал взгляд Артёма и Алисы, идущих вместе. Его лицо озарила понимающая, ядовитая улыбка.

— А, новые игроки подтягиваются! Артём, место есть. Алиса, будете вдохновлять?

— Я буду наблюдать, — спокойно сказала она, устраиваясь в кресле чуть поодаль, в полусвете. Её поза была безупречна: заинтересованно, но не жадно.

Артём сел, разменял деньги на фишки. Игра пошла. Но его сознание теперь было разделено. Одна часть следила за картами, за ставками, за нервным тиком Сергея. Другая, более острая, чувствовала на себе пристальный, аналитический взгляд Алисы. Он ловил себя на том, что делает чуть более изящные жесты, говорит чуть более весомые фразы. Он играл не только с Сергеем и другими, он играл для неё. Для этого холодного, красивого зеркала.

И тут случилось то, что позже он назовёт «первым звончком». Сергей, отчаявшись, пошёл ва-банк на слабой руке. Все сошли. Оставался Артём. У него была сильная, но не гарантированная комбинация. Логика диктовала спасовать. Но он почувствовал взгляд Алисы. Взгляд, в котором читал-

ся немой вопрос: «И на что ты поставишь? На расчёт или на удачу?». И Артём, к собственному удивлению, сказал:

— Коллю.

Он поставил всё. Не ради денег. Ради того, чтобы увидеть вспышку в её глазах. Ради того, чтобы доказать не ей — себе, что он всё ещё может положиться на интуицию, на азарт, на всё то, что давно похоронил под слоем цинизма.

Карты вскрылись. Артём выиграл.

Сергей побледнел. Он не просто проиграл деньги. Он проиграл лицо перед всеми, перед своей женой, перед Максимом. Он встал и молча вышел. Его жена, не глядя ни на кого, потупившись, пошла за ним. В воздухе повисло тяжёлое молчание.

Максим первый его нарушил, протяжно сказав:

— Ну вот. Ещё одна красивая история любви пошла ко дну. Выпьем за новых героев?

Все зашевелились, забормотали. Игра распалась.

Артём собрал выигрыш. Подняв глаза, он увидел, что Алиса уже стоит в дверях, держа тот самый букет.

— Вы уходите? — спросил он, подходя.

— Да. Выигрыш — лучшее время закончить вечер. Как и удачное знакомство.

— Можно вас проводить?

— У меня своя машина, — она отказала, но не резко. —

Но... можно взять ваш номер. На случай, если захочется сыграть в шахматы. Или обсудить теорию вероятности в реальной жизни.

Они обменялись телефонами. Её пальцы снова были холодны.

— До свидания, Артём. Спасибо за цветы. И за спектакль.

— Какой спектакль?

— Тот, что вы устроили для меня за столом. Было интересно наблюдать. Вы большой художник в своём жанре.

Она ушла, не оглянувшись. Артём остался стоять у огромного окна, глядя на огни её машины, растворяющиеся в темноте. Он чувствовал странное опустошение, как после большой роли. Он выиграл деньги, получил номер красивой женщины, но её последние слова вычерпали из этой победы всю радость. Она видела его. Видела игру. И приняла в ней участие, оставаясь при этом за рамками стола.

Максим подошёл с двумя бокалами.

— Поздравляю. С добычей.

— Я не охотник, Макс.

— Все мы охотники. Просто одни — на оленей, другие — на призраков. Она из тех, кто охотится на тузов. А ты, друг мой, выглядишь как козырный.

— А что, если она и есть пиковая дама? — неожиданно

для себя произнёс Артём.

Максим засмеялся, громко и неприятно.

— Тем веселее! Игра, в которой известен плохой финал,
— самая захватывающая. За неё не жалко поставить всё.

Артём взглянул на опустевший подоконник, где лежал один осыпавшийся лепесток пиона. Чёрный, как пиковая масть. Он выпил виски до дна, ощущая, как холод Алисиных пальцев и пророчество её фразы впиваются в него глубже, чем ему хотелось бы. Игра, действительно, только началась. И ставкой в ней, он смутно догадывался, было нечто большее, чем он мог себе представить.

Монолог Артёма о «биомассе» и «людях-функциях»

Монолог Артёма (произнесённый вполголоса за столиком в полупустом баре после третьего виски, обращённый скорее к своему отражению в тёмном стекле, чем к случайному собеседнику):

«Ты смотришь на них и видишь людей. Одежда, голоса, амбиции, трагедии в инстаграмах. А я вижу биомассу. Функционирующую, самореплицирующуюся биомассу. Разбери любого из них на детали, и что? Набор социальных триггеров, натренированных реакций, куча страхов, прикрытая тонким шпоном амбиций.

Вот, смотри. Вон тот, в костюме — функция «переговорщик». Он не живёт, он отработывает скрипт. Его улыбка — инструмент, жена — атрибут, дети — инвестиция в социальный рейтинг. Он — живая визитка. Вынь из него должность, и он схлопнется, как воздушный шарик.

А та девушка? Это функция «декорация». Её задача это быть фоном, подтверждать статус. Она потребляет, чтобы её потребляли взглядом. Её мысли это инструкция от блогеров, эмоции — реакция на лайки. Её душа, если копнуть, это зер-

кало, в котором отражаются желания других. Убери зеркало останется пустота и паника.

Мы все свели себя к функциям. Функция «добытчик». Функция «любовница». Функция «друг» (полезный для связей). Функция «муж» (для галочки и налоговых вычетов). Мы как шестерёнки в часах, которые мнут себя часовщиками. Но нет часовщика. Просто шестерёнки, с глухим стуком цепляющие друг друга, чтобы отсчитать время до собственного износа.

И самое чудовищное, что мы этого хотим. Мы жаждем стать идеальной, бесперебойной функцией. Потому что быть личностью — больно. Личность должна выбирать, сомневаться, нести ответственность, любить по-настоящему, а это непозволительная роскошь, это сжигает слишком много ресурсов. Гораздо экономичнее быть «успешным менеджером», «заботливой женой», «крутым парнем». Надеть маску функции и забыть, что под ней было лицо.

Поэтому я и играю с ними. Я просто нажимаю на их кнопки. Хочешь признания — вот тебе комплимент, вот намёк на исключительность. Хочешь безопасности — вот иллюзия контроля. Боишься одиночества — вот порция внимания, дозированная, как лекарство. Они реагируют с точностью лабораторных крыс. Предсказуемо. Жалко.

Иногда я ловлю себя на том, что смотрю в зеркало и ищу свою функцию. «Циник». «Победитель». «Тот, кто всех раскусил». И мне становится страшно. Потому что если я её найду это значит, я тоже часть биомассы. Просто чуть более рефлексирующая, чуть более унылая шестерёнка. А если не найду... то я что? Пустота, которая насмехается над другими пустотами?

Мы все делаем ставки в этой игре, но мы сами и есть разменные фишки. И когда-нибудь крупье, этот холодный мир, посмотрит на наши изношенные фасады и скажет: «Банк пуст. Игра окончена». И не останется ничего. Ни функции. Ни человека. Просто тиканье чужих часов в крошечной тишине».

Он допивает виски, ставит бокал на стойку с отточенным, функциональным движением. Монолог закончен. Функция «философствующий циник» на сегодня отработана.

Бар «Патрики» был его любимой ловушкой для настроения. Не слишком пафосный, не слишком богемный — идеальный фон, чтобы раствориться и в то же время быть на виду. Артём допил последний виски, ощущая, как монолог о биомассе тяжёлым осадком лёг на дно сознания. Мысль об Алисе с её холодными пальцами и пронзительными фраза-

ми вызывала странное беспокойство. Ему нужно было это стряхнуть. Взять что-то простое, теплое, предсказуемое.

Он достал телефон. В списке контактов нашёл «Катя балет». Они познакомились полгода назад на каком-то благотворительном вечере. Она была из кордебалета, милая, не претендующая на глубину, с восторженными глазами. Идеальный антидот от интеллектуальной гимнастики.

Звонок был принят со второго гудка.

— Артём? — её голос прозвучал одновременно удивлённо и радостно, словно она всё время ждала этого звонка.

— Катя. Ты свободна?

— Сейчас? Ну, я... — в её голосе замешательство, но не отказ. Всегда это замешательство, этот миг колебания, который льстил ему.

— Я в загородном доме. Скучно. Хотел бы тебя видеть. — Он не просил. Он констатировал желание, которое по умолчанию должно было стать её законом.

Пауза. Он слышал её тихое, сдавленное дыхание.

— Хорошо. Я... я могу. Через час?

— Идеально. Жду. — Он положил трубку, не дожидаясь ответа. В этом был ритуал. Власть — не в приказе, а в уверенности, что его желание — достаточный аргумент.

Чёрное такси скользнуло по ночным трассам, оставляя за

спиной мишуру города. Артём смотрел в окно, но видел не мелькающие огни, а лицо Алисы. «Пиковая дама». Чепуха. Она просто умнее других, вот и всё.

Катя ждала у ворот, закутанная в лёгкое пальто, с маленькой сумочкой. Она всегда приезжала с одним только этим. Как будто на свидание, а не на ночь. Он велел водителю остановиться, открыл дверь.

— Замёрзла? — спросил он, пропуская её вперёд в тёплый холл.

— Немного, — она улыбнулась, и в её улыбке было столько открытой, немудрящей нежности, что на мгновение ему стало почти неловко. Почти.

— Вино? — предложил он, снимая пиджак.

— Давай. Ты... как ты? — Она последовала за ним на кухню, неуклюже пытаясь начать разговор.

— Как обычно. Работа, дела. Скучал по чему-то настоящему, — сказал он автоматически, наливая в бокалы мерло. Формула работала безотказно. Её глаза загорелись тем самым светом обожания, которое он в ней ценил и которым втайне пренебрегал.

Они говорили мало. Он обрывками, а она пытаясь поддерживать, соглашаясь, восхищаясь. Её любовь была тихой, услужливой, как тёплый плед. Она не задавала острых вопросов,

не бросала вызов. Она просто была. И в этой ночи, наполненной запахом дорогого вина и её дешёвых, но милых духов, он мог на время забыть о холодной пронизательности Алисы, о Максимовом цинизме, о пустоте, гудящей в собственной груди.

Утро пришло серое и безликое. Артём проснулся первым. Катя спала, прижавшись к его спине, её дыхание было ровным и безмятежным. Он осторожно высвободился, вышел в душ. Струи горячей воды смывали запах её тела, её ночи. Он смотрел в зеркало на своё отражение — усталое, но собранное. Функция «любовник» отработана.

Когда он вернулся, она уже сидела на краю кровати, натягивая колготки.

— Мне пора, у меня репетиция в одиннадцать, — сказала она, не глядя на него. В её голосе была знакомая ему нота — лёгкая, затаённая грусть, которую она никогда не осмеливалась озвучить.

— Конечно, — ответил он мягко. — Я вызову тебе машину.

Он сделал это быстро, через приложение. «Блэк такси, 10 минут». Пока она приводила себя в порядок в ванной, он налил два кофе из капсульной машины. Они выпили их молча, стоя у огромного панорамного окна, глядя на сырой, туман-

ный лес.

Звонок в домофон возвестил о прибытии такси. Катя надела пальто, взяла сумочку.

— Спасибо за вечер, — тихо сказала она.

Он подошёл к ней, положил руки ей на плечи. Нежно, без страсти. Смотрел в её преданные, немного покрасневшие от недосыпа глаза.

— Спасибо тебе, что приехала, — его голос звучал искренне, тепло. Словно эта ночь была для него чем-то большим, чем просто привычным отвлечением. — Я очень рад, что ты приехала.

Он не поцеловал её. Ни в губы, ни даже в щёку. Поцелуй был бы интимностью, знаком привязанности, границей, которую он тщательно охранял. Вместо этого он улыбнулся той самой обезоруживающей, чуть грустной улыбкой, которая заставляла её держаться за надежду ещё несколько недель. Открыл ей дверь.

— Позвони... как будет время, — бросила она на прощание, уже выходя на крыльцо.

— Обязательно, — солгал он с той же лёгкостью, с какой дышал.

Дверь закрылась. Он стоял в холле, следя за ней через ма-

товое стекло бокового окна. Видел, как она, мелко перебирая ногами, спешит к чёрной машине, как открывает дверь, как на мгновение оборачивается к дому. Её лицо в туманном утре было бледным и потерянным. Потом она скрылась в салоне, и такси плавно тронулось, растворившись в серой пелене леса.

Тишина в доме стала гуще, плотнее. Артём повернулся и пошёл на кухню мыть бокалы. Работа пальцев была точной, автоматической. В голове пронеслась мысль: «Катя. Функция „утешение“. Исполнена». И тут же, как укол, вспомнились её глаза в момент прощания. В них была не функция. В них была настоящая, живая, ничем не прикрытая боль.

Он резко поставил бокал в раковину. Звук получился слишком громким для утра в пустом доме. Он подошёл к окну, где они только что пили кофе, и увидел на подоконнике одинокую, забытую ей сережку-гвоздик. Дешёвенькую, позолоченную. Он взял её в пальцы, почувствовав холод металла. На секунду ему показалось, что это не серёжка, а оторванная, никчёмная шестерёнка от каких-то маленьких, сломанных часов.

Он отшвырнул её в мусорное ведро под раковиной. Звякнуло. Потом — тишина. Функция «раскаяние» в его системе не была предусмотрена.

Хорошая девочка Катя

Чёрное такси было шикарным, с бархатными сиденьями, мини-баром и глухой тонировкой. Мир за стеклом проплывал смазанным, акварельным пятном — серые многоэтажки, рекламные щиты с сияющими лицами. Катя сидела, прижавшись лбом к холодному стеклу, и чувствовала, как в ней борются два состояния: сладкая, сонная истома после ночи с ним и тонкая, острая трещина где-то под рёбрами.

«Я очень рад, что ты приехала», — звучало в голове. Она повторяла эту фразу про себя, как мантру, пытаясь извлечь из неё больше тепла, больше смысла, чем в него вложено. Его голос был тёплым. Глаза — ласковыми. Он не поцеловал на прощание... Но это потому, что был погружён в свои важные мысли. Он — сложный, он — глубокий. Ей, простой балерине из кордебалета, так повезло, что такой человек... обратил на неё внимание.

Её телефон вибрировал. Мама. Катя отправила вызов на отзвон. Позже. Обязательно позже. Она представила, как скажет: «Да, мам, я у Артёма. Нет, ничего серьёзного, просто он скучал...». И услышит в ответ не одобрение, а ту самую, отточенную годами смесь пренебрежения и зависти: «Опять у своего финансиста? Смотри, Катюша, не обожгись. Такие

мужчины не женятся на таких, как мы. Ты должна думать о карьере, о сольных партиях. Я в твои годы...».

Мысль о карьере вызывала привычную тошноту. Она не хотела сольных партий. Она боялась ослепительного света софитов, выжигающего дотла. Ей нравилось быть частью кордебалета — отточенным, красивым движением среди других таких же движений. Исчезать в геометрии ансамбля. Жить чужой мечтой, чужой жизнью — было безопасно. Для матери. Для Артёма. Для тренера. Быть «хорошей девочкой», удобной, предсказуемой — это был её панцирь и её проклятие.

Хищники чуяли это за версту. Не только Артём. Все. Режиссёры с «обещаниями», спонсоры с «поддержкой», коллеги, вечно одалживавшие деньги «до завтра». Она была идеальной жертвой без защитных границ, с врождённой верой, что её ценность в том, чтобы быть полезной, приятной, не создающей проблем. Она отдавала свою энергию, своё время, своё тело, надеясь, что в ответ её, наконец, увидят и полюбят. Но её видели лишь как функцию: «утешение», «восхищение», «подтверждение статуса».

Такси остановилось у серого, монументального здания театра. Катя глубоко вздохнула, поправила хвост. Маска «собранной балерины» легла на лицо привычной тяжестью.

Репетиционный зал пах старым деревом, канифолью и потом. Зеркала в полстены отражали усталые лица и разогревающиеся тела. И тут же, как по сигналу, к ней направился Андрей, хореограф. Ему за сорок, бывший премьер, с измученными, умными глазами и грустью, которую не скрыть даже за профессиональной строгостью. Он был равнодушен к ней. Не так, как Артём — без цинизма, с какой-то обречённой, отеческой нежностью. И, возможно, с надеждой.

— Катя, ты опоздала на семь минут, — сказал он, но в его голосе не было гнева, лишь беспокойство. Его взгляд скользнул по её лицу, прочёл следы бессонной ночи, нарисованной под глазами, неестественную яркость губ. Что-то в нём дрогнуло. — Всё в порядке?

— Да, да, Андрей Викторович, простите. Пробки, — соврала она, опуская глаза. Его забота была для неё ещё одним грузом. Ещё одной жизнью, за которую нужно быть благодарной, которой нужно соответствовать. Ещё одним человеком, чьи ожидания она боялась не оправдать.

— Иди разогревайся. С тобой... сегодня нужно поработать над твоей вариацией в третьем акте. Там нет уверенности, Катя. Нет тебя.

Эти слова — «нет тебя» — прозвучали для неё как приговор. Потому что «её» не было нигде. Ни в танце, который она

учила для матери. Ни в постели с Артёмом, где она старалась быть идеальной для него. Ни в этой зале, где она должна была быть удобной ученицей для Андрея.

Она кивнула, молча пошла к станку, избегая встречи с собственным отражением в зеркале. Андрей смотрел ей вслед, и в его взгляде была та самая мучительная ясность, которой не было у неё. Он видел в ней не функцию. Он видел жертву. И его собственная беспомощность что-либо изменить сжимала сердце тисками.

Катя взялась за холодный деревянный станок, приняла первую позицию. Музыка ещё не играла, но в голове зазвучал навязчивый, отчётливый стук: «Я очень рад... очень рад... очень рад...». Она начала плие. Глубокий, безупречный сгиб. Исчезнуть в движении. Стать частью адажио. Быть удобной. Быть хорошей. Быть ничьей.

Последняя ставка перед свободой

Вечер накануне развода. Логово Максима, затянутое сигаретным маревом и тяжёлым запахом выдохшегося дорогого алкоголя. Игра шла вяло, без — огня все знали, что завтра у Артёма «судный день», и относились к нему с преувеличенной, едва прикрытой усмешкой снисхождения. Как к раненому зверю, которого уже не боятся.

Артём играл рассеяннo, механически сбрасывая карты. В голове, вопреки воле, прокручивался не сценарий завтрашнего похода в ЗАГС, а воспоминание о взгляде Алисы. Том самом, оценивающем, без тепла. «Ты сделаешь вечер интереснее», — думал он, уже строя планы на послезавтра. Развод был не концом, а необходимым антрактом перед новым актом. И главной героиней нового акта он уже мысленно назначал её.

— Артём, твоя ставка, ты с нами? — Максим постучал костяшками пальцев по столу, его глаза блестели со значением. Он обожал моменты, когда сильные мира сего давали слабину.

— Колл, — отозвался Артём, не глядя, бросая фишки. У него на руках была пара шестёрок. Полная ерунда. Он проиграл. Ему было всё равно.

За его спиной, на кожаном диване, полулежала Вика. Модель из мира глянца, с телом греческой богини и выражением лица уставшего котёнка. Она ловила его взгляд, улыбалась обнадёживающе. Он пригласил её почти случайно, импульсивно — нужна была какая-то мягкая, тёплая плоть рядом, чтобы не думать. Чтобы заслонить собой призрак Алисиной холодной пронизательности.

Он слился с игры раньше всех, сославшись на усталость. «Завтра важный день», — сказал он, и в голосе прозвучала нарочитая значительность, которую тут же уловили. Максим хмыкнул:

— Ну, удачи тебе в новом статусе. Одинокий волк. Только смотри, волки без стаидохнут.

Артём проигнорировал, кивнул Вике. Она вскочила, готовая, предвкушающая. В такси она прижалась к нему, положила голову на плечо.

— Всё будет хорошо, Артёмчик, — прошептала она духами и дешёвым сочувствием.

Он молчал, глядя в окно. «Интересно, что бы сказала Алиса на месте этой куклы? — думал он. — Наверное, промолчала бы. Или спросила бы, какую именно ставку я проиграл сегодня».

Дома он налил виски. Вика, скинув туфли, ходила босиком по его идеально холодному полу, рассматривая интерьер как музейный экспонат. Потом начался ритуал. Ритуал, который он сам же инициировал, но который уже вызывал у него тошнотворную скуку.

— Представляешь, — начал он, опускаясь на диван и закидывая ногу на ногу, — мы были нищими. Я пахал как проклятый, а она... она уже тогда считала, что ей всё обязаны. Мечтала не обо мне, а о том, как будет выглядеть в глазах своих подружек.

Вика слушала, широко раскрыв глаза, кивала, подливала ему виски. Она ловила каждое слово, видя в этой исповеди знак огромного доверия, шаг к чему-то серьёзному. Её лицо выражало участие, сострадание, готовность быть его спасительницей, его «настоящей женщиной».

— А в прошлом году, — продолжал он, разгорячённый алкоголем и собственным исполнением, — я подарил ей машину. Не ту, что хотела. Так, среднюю. Ты знаешь, какая была сцена? Истерика. «Ты меня не уважаешь!» — кричала она.

Он говорил, размахивая руками, живописуя образ неблагодарной, мелочной, погубившей его лучшие годы женщи-

ны. И всё это время, на задворках сознания, ясным и холодным огоньком горела другая мысль: «Какая пошлая мелодрама. Какой дешёвый спектакль. И как над всем этим бы насмеялась она».

В перерывах между монологами он целовал Вику, снимал с неё одежду, вёл в спальню. Но даже в момент близости, глядя в её экстатически закатившиеся глаза, он видел не её. Он представлял другой взгляд — непроницаемый, оценивающий, в котором нет ни капли самоотдачи, только анализ. «Что она почувствовала бы сейчас? Отвращение? Или просто констатировала бы факт: функция „утешение“ активирована».

Ночь тянулась мучительно долго. Вика, измученная и польщённая его «откровенностью», заснула, обвив его руку. Он лежал, глядя в потолок, и чувствовал, как одиночество, которое он пытался заткнуть её телом и своими же словами, накатывает с новой, удесятёрённой силой. Он рассказывал о жене, а думал о свободе. Целовал одну, а хотел поразить другую. Проигрывал за карточным столом, но делал это нарочно, будто отбывая последнюю повинность перед старым, скучным миром.

Под утро он осторожно высвободил руку, вышел на балкон. Воздух был холодным и чистым. Завтра — формаль-

ность. А послезавтра — вечеринка. Его вечеринка. Его новая игра.

Он достал телефон и снова открыл переписку с Алисой. Последнее сообщение было от него, которое он только что набрал:

«Свобода пахнет холодным утром. И немного одиночеством».

Он не ждал ответа. Он просто бросил эту фразу в темноту, как вызов. Себе. Ей. Всему миру, который завтра официально перестанет иметь над ним какую-либо власть.

Вернувшись в спальню, он увидел спящую Вику. Её лицо в сером свете зари было беззащитным и чужим. Он накрыл её одеялом, которое она сбросила, с чисто эстетическим чувством — не к ней, а к картине в целом. Завтра он отвезёт её домой, и, возможно, больше никогда не вспомнит. Она была последней любовницей эпохи его несвободы. Антиквариат.

А новая эра начнётся завтра вечером. С бокалом шампанского, десятком прекрасных лиц и одним-единственным, самым важным взглядом, в котором он надеялся увидеть не сочувствие, не обожание, а наконец-то достойного соперника.

Свидетельство о разводе

Бумага была неестественно белой в этот пасмурный день. Контора ЗАГСа на окраине — они намеренно выбрали самое безликое место, словно хотели стереть сам факт своей когда-то совместной жизни. Жена, теперь уже бывшая вышла первой, не оглянувшись, села в такси и уехала. Их диалог иссяк годами раньше, а сегодня не было даже ритуальной перепалки. Была тихая, бюрократическая констатация смерти того, чего уже не существовало.

Артём вышел на улицу, ощущая странную физическую легкость, как будто с него сняли невидимый, но очень тяжёлый жилет. Не было ни боли, ни облегчения. Была пустота, чистая и стерильная, как чистый лист. Её нужно было немедленно заполнить. Шумом. Смехом. Телами. Признанием его новой, абсолютной свободы.

Он сел в чёрное такси, приказав ехать за город, и достал телефон. Палец сам потянулся к единственному номеру, который сейчас имел смысл. Не к Кате, не к какой-нибудь из удобных «функций». К единственному человеку, который казался ему достойным этого момента равным по силе, пусть и другой.

Написал Алисе. Коротко, без эмоций, как деловое предложение:

«Только что стал юридически свободным. Чувствую потребность отметить это должным образом. Вечеринка в моём доме. Будешь первой, кого я пригласил. Ты сделаешь вечер интереснее».

Ответ пришёл почти мгновенно, будто она ждала.

«Поздравляю с приобретением свободы. Или с потерей обузы? Интересно, что ты больше празднуешь. Буду. Пришлешь адрес?».

Он усмехнулся. Она всегда била в суть. Ни тени дешёвого сочувствия или поздравлений.

«Отмечаю начало новой игры. Без лишних фигур на доске. Одинцовский р-н. деревня.... Жду в девять».

На этом их диалог закончился. Всё было сказано. Теперь можно было заниматься декором для своей победы. Он открыл список контактов — обширную, тщательно сегрегированную базу данных. Его палец начал быстро скользить по экрану, рассылая одно и то же отточенное сообщение разным адресатам. Он не звал «друзей». Мужчин было всего несколько — Максим, пара деловых знакомых, для массовки. Основной упор на декорации. На живое, блестящее подтверждение его статуса и привлекательности.

Сообщение было лаконичным и многообещающим:

«Завтра, 21:00, загородный дом. Отмечаю одно важное событие. Будет немного шампанского и хорошей компании. Твоё присутствие сделает вечер совершенным. Артём».

Он отправлял его:

Анне, начинающей актрисе модного театра, вечно нуждающейся в «нужных» знакомствах.

Полине, снимающейся в сериалах на вторых ролях и мечтающей о главной роли.

Миле, певице из инстаграма, с голосом как у сирены и амбициями как у Наполеона.

Двум солисткам из того же кордебалета, что и Катя (Кате он не писал, она была вчерашним днём, слишком простым, слишком доступным).

Ольге и Даше, профессиональным патрикхантершам с безупречным вкусом и ледяным расчётом в глазах.

Ещё нескольким девушкам из того же круга — моделям, светским львицам, блогершам.

Каждое имя в списке было функцией. «Функция престижа», «функция красоты», «функция доступности». Вместе они должны были составить живой гимн его победе, его безраздельной власти над этим сегментом реальности.

Такси выехало на трассу, ведущую из города. Артём откинулся на сиденье, глядя на морозящий дождь за стеклом. Он представлял себе завтрашний вечер: свет люстр, отражённый в глазах десятка красивых женщин, звон бокалов, его тосты, его центровое положение. И среди этого блеска Алиса. Она не будет смеяться громче всех, не будет ловить его взгляд с обожанием. Она будет наблюдать. Играть в свою игру на его поле. Это добавляло адреналина. Это делало праздник не просто оргией тщеславия, а интеллектуальным вызовом.

Он написал управляющему, чтобы всё было готово: лучший кейтеринг, бар у бассейна подогретым, музыку не слишком громкую, но модную. Всё должно быть безупречно.

Машина свернула на знакомую дорогу к его дому. Бумага о разводе лежала на сиденье рядом, скомканная в бессознательном жесте. Он больше на неё не смотрел. Юридический документ был лишь финальным штрихом. Настоящий развод случился в его душе годами раньше. Теперь он был свободен. Свободен от обязательств, от лицемерных условностей, от необходимости кого-то изображать.

Он смотрел в темнеющее небо и улыбался тонкой, безрадостной улыбкой. Завтрашняя вечеринка будет не праздни-

ком. Она будет ритуалом. Ритуалом посвящения самого себя окончательной и бесповоротной пустоте, прикрытой самым дорогим и красивым шёлком, каковой только можно найти на рынке. И первой гостьей на этом пиру у пустоты будет она — Пиковая Дама, которую он сам пригласил, уверенный, что сможет разыграть её как угодно.

Он ошибался. Но понимание этого придёт позже.

Предыстория Алисы

Капитал из осколков

Её первое осознанное воспоминание — не мамины руки, а холодная, липкая от сырости стена в общежитии, где они жили втроем в десятиметровой комнате. И запах. Запах дешёвой тушёнки, дезодоранта соседки-алкоголички и вечно-го страха — не сойти с ума от этой тесноты. Алисе было шесть, и она уже дала себе обещание: «Я отсюда выберусь».

Мать, измождённая женщина с потухшими глазами, работала на двух работах и повторяла как мантру: «Учёба, Алка. Только учёба. Прорвёмся». Но учёба в переполненной школе на окраине была пародией. Алиса видела, как «прорывались» другие, через блатные связи, через унижительную лесть, через тело. Она выбрала ум. И красоту, которая прорезалась в ней рано, как шип розы сквозь асфальт. Она поняла, что красота — это её единственный актив, её акции, которые нужно грамотно вложить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.